

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете.
1860**

Книга 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860: Книга 1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2022. – 688 с.

ISBN 978-5-4241-9946-2

ISBN 978-5-4241-9946-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

въ

ДРЕВНЕЙ СЕРБИИ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ мѣрѣ Славянскомъ, а для насъ еще болѣе важный по своему современному значенію, есть вопросъ о земельной собственности или правѣ земельного владѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ стародавнія времена всѣ Славяне жили одною жизнію, имѣли одинаковый домашній бытъ и только въ послѣдствіи, увлеченные различными историческими судьбами, утратили постепенно свое бытовое единство, хотя все таки сохраняли общую основную мысль въ своемъ гражданскомъ устройствѣ. Своеобразность воззрѣнія на жизнь и общественныя отношенія не истребляется въ народахъ историческихъ; мысль, проникающая ихъ нравственный бытъ, ихъ внутренній общественный распорядокъ, истекаетъ изъ ихъ духовной природы, гдѣ она имѣетъ и зародышъ свой. Та исторія и справедлива, которая не только показываетъ, но и доказываетъ, что дальнѣйшія бытовыя формы у этихъ народовъ произошли черезъ естественное видоизмѣненіе изъ формъ первобытныхъ, составляющихъ тотъ обликъ, съ которымъ всякій историческій народъ выступаетъ на мировое поприще. Если было постороннее, чуждое вліяніе, то исторія должна и его обозначить, по скольку оно вторгалось во внутреннюю жизнь народа и отклоняло ее отъ самостоятельнаго развитія.

Историческія судьбы, постигшія племена Славянскія, слишкомъ разнообразны. Между Славянами господствуютъ три первенствующія въ Европѣ вѣроисповѣданія; Славяне испытали всѣ формы государственной жизни, начиная съ независимаго, самостоятельнаго общиннаго правленія и таковаго же единодержавія до безусловнаго подчиненія произволу иноплеменныхъ самовластителей; Славяне прошли всѣ степени гражданственности и образованности; права Славянскія порознились между собою до совершеннаго несходства; и если одни изъ Славянъ сохранили у себя еще много первичной простоты, то есть и такіе, которые не уступаютъ въ развитіи другимъ просвѣщеннѣйшимъ народамъ Европы. Но, не смотря на все разнообразіе судебъ, постигшихъ съ вѣками разныхъ Славянскія племена и имѣвшихъ неотразимое вліяніе на ихъ внутреннюю жизнь, зоркій глазъ историка замѣтитъ у всѣхъ Славянъ, даже у наиболѣе подвергшихся инородному вліянію, много своего Славянскаго; а что это дѣйствительно такъ, доказательствомъ можетъ служить пробужденіе народности въ большей или меньшей мѣрѣ у всѣхъ уцѣлѣвшихъ племенъ Славянскихъ. Какъ бы ни было сильно постороннее вліяніе, какъ бы чужды ни были насильственно вносимыя условія быта вещественнаго и нравственнаго, какъ бы настоятельно ни было преслѣдованіе туземнаго языка, Славяне не переставали смотрѣть, думать, говорить по своему, какъ требовала ихъ природа, и въ самыя несвойственныя имъ формы вносили свое родное содержаніе. Не говоримъ о выродившихся Славянахъ, которыхъ всюду не мало; не говоримъ о цѣлыхъ Славянскихъ племенахъ, которые теперь живутъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и въ которыхъ тѣни отцовъ не узнаютъ чадъ своихъ. Тѣ и другіе, оправдывающіе собою возможность переселенія душъ, составляютъ исключеніе изъ общаго племеннаго состава, который не переставалъ существовать, слагаясь изъ живыхъ Славянскихъ народностей. Въ самомъ дальномъ углу Славянскаго населенія, среди Нѣмцевъ и Итальянцевъ, можно признать лицо Славянина; такъ и жизнь Славянская носитъ на себѣ повсюду свой особый отпечатокъ.

Въ мірѣ Славянскомъ ученые имѣютъ ту великую выгоду, что сдѣсь одно племя способствуетъ изслѣдованію жизни и языка другаго племени. Самый здравый смыслъ показываетъ, что если всѣ Славянскіе, доселѣ существующіе, народы пошли отъ одного племеннаго корня, то и каждый изъ нихъ долженъ былъ сохранить въ себѣ болѣе или менѣе общія родовыя свойства; и чѣмъ далѣе вос-

ходимъ мы въ глубь старины, тѣмъ свойства эти полнѣе и сходственнѣе. При томъ не всѣ Славянскіе народы въ одинаковой степени совершали свое историческое развитіе; одни изъ нихъ далеко ушли на пути общеевропейскаго просвѣщенія и уже много и много сгладили своихъ особенностей, храня, разумѣется, свои коренныя нравственныя начала, какъ основу своей общечеловѣческой гражданственности; другіе, напротивъ, далеко отстали отъ Европейской жизни, и нравственныя ихъ начала еще продолжаютъ проявляться въ своеобразномъ, старинномъ, исключительномъ видѣ. У однихъ внутренняя жизнь усложнилась, представленія измѣнились и измѣняются соотвѣтственно духу времени, у другихъ бытъ, общественныя отношенія, воззрѣнія еще вѣютъ первичною простотою и безыскусственностію. У однихъ мы замѣчаемъ болѣе движенія, у другихъ менѣе. У однихъ старинныя формы быта, изъ которыхъ черезъ различныя видоизмѣненія возникли новыя, уже едва примѣтны и сберегаются только гдѣ ни будь въ глуши, въ простонародьи, тогда какъ прежде они обнимали весь составъ народный; у другихъ они еще преобладаютъ и имѣютъ современное значеніе. Въ племенахъ, болѣе развитыхъ, у которыхъ, слѣдовательно, и наука болѣе развита, а съ наукою вмѣстѣ и мимувшая жизнь народа приведена къ большому сознанию, часто изслѣдователю стоитъ не малыхъ трудовъ раскрыть то самородное, самодѣтельное начало, которое двигало народную жизнь по вѣковому пути непрерывныхъ видоизмѣненій и совершенствованій. Если признать, что въ жизни самостоятельнаго народа каждое послѣдующее явленіе естественно вытекаетъ изъ предыдущаго, согласно неизбѣжному закону исторической послѣдовательности, то найти вѣрную нить самобытной жизни въ этомъ перерожденіи—дѣло важное и необходимое: и чѣмъ развитѣе народъ, чѣмъ далѣе ушелъ онъ въ общечеловѣческомъ движеніи впередъ отъ своего корня, тѣмъ труднѣе разслѣдовать его историческіе переходы; ибо съ разростаніемъ его общечеловѣческаго существа во всемірной дѣятельности самобытныя народныя черты, составляющія его личность, тонѣютъ, улетучиваются, становятся прозрачнѣе, неуловимѣе, духовнѣе. Тѣмъ не менѣе, главною задачею историка всегда будетъ то, чтобы прослѣдить путь народнаго саморазвитія, на которомъ народъ, оставаясь самимъ собою во всякой бытовой формѣ, не переставалъ усиливать свою духовную дѣятельность на общую пользу человечества въ связи и согласіи съ семьею просвѣщенныхъ народовъ. Такое разумное пониманіе минув-

шей исторіи необходимо для того, чтобы и въ будущемъ указать то вѣрное направленіе, которое народъ долженъ принять въ своемъ внутреннемъ бытовомъ развитіи, если не хочетъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, подвергнуться постоянному колебанію и броженію, постоянной борьбѣ и ломкѣ, постоянному иноземному вліянію, которыя неизбѣжны тогда, когда неразумный, насильственный произволъ противодѣйствуетъ исторической необходимости, торжественно заявляемой существенными потребностями жизненной силы народа. Какъ часто ученые изслѣдователи впадали и впадаютъ въ ошибки, желая угадать пройденный народомъ исторической путь его, впадали и впадаютъ именно по тому, что настоящее народа такъ много удалилось отъ его прошедшаго, такъ сильно измѣнилось, что признаки стараго истребились въ новомъ; и надобно быть вполне проникнуту духомъ народнымъ, надобно имѣть живую, кровную связь съ жизнію народа, чтобы вѣрно прочувствовать и постигнуть бѣніе того жизненнаго начала, которое проносится по всему духовному историческому бытію народа. А развѣ это легко? Развѣ много найдется ученыхъ, которые носили бы въ себѣ жизненную теплоту и не однимъ разумомъ, не однимъ разсудочнымъ разложеніемъ и сочетаніемъ событій, но и сердцемъ и всѣмъ существомъ своимъ, ощущали въ самихъ себѣ ту жизнь, которую они ищутъ и воспроизводятъ въ другихъ и для другихъ? Отъ того нерѣдко случается, что если нужно объяснить какое ни будь историческое явленіе, за объясненіемъ идутъ въ чужія земли, или, наоборотъ, чуждому явленію приписываютъ туземное происхожденіе. Или, если, на пр., народъ пришелъ къ сознанию новой потребности, для удовлетворенія которой нужна новая бытовая форма, то многіе ученые ищутъ эту форму внѣ народной жизни, усиливается создать ее, хлопочутъ о томъ, какъ бы получше устроить ее, обращаются къ чужеродному духу и началу и, конечно, большею частію ошибаются, какъ прилично ошибаться всякой отдѣльной личности; а между тѣмъ данныя для этой формы искони существуютъ въ народѣ, какъ живое народное содержаніе, и ждутъ только сознанія, чтобы черезъ сознаніе и обновленіе явиться туземнымъ, своеобразнымъ, слѣдовательно, удобнѣйшимъ виѣстилищемъ вновь выступающей дѣятельности народной. Въ подобныхъ случаяхъ родственныя племена могутъ много помочь ученому изслѣдователю, а черезъ него и обществу дѣятелю. Принимая въ соображеніе то, что сохранилось у многихъ изъ нихъ полнѣе и лучше, онъ можетъ и у себя дома

понять яснѣе и вѣрнѣе то, что, безъ пособія родственныхъ племенъ, оставалось бы темнымъ, неразгаданнымъ, или подверглось бы опасности быть ложно истолкованнымъ. Въ особенности при изслѣдованіи минувшей внутренней жизни народа, доставляющей необходимыя данныя для поясненія настоящаго и, скажу болѣе, выражающей яснѣе то коренное начало, которое должно всегда лежать въ основѣ всякаго бытоваго учрежденія, большое пособіе оказываютъ тѣ родственныя племена, у которыхъ старинный домашній бытъ сохранился свѣжѣе и чище. Ихъ упрекаютъ въ отсталости, въ застоѣ, въ неразвитости, — все это правда; но правдѣ и то, что у нихъ еще живутъ, еще подлежатъ наглядному изученію, тѣ формы быта, которыя у другихъ только критическимъ трудомъ возсоздаются на основаніи памятниковъ, какъ отжитая старина. Сдѣсь помощь ихъ очевидна; сдѣсь содѣйствіе ихъ столько же необходимо и полезно, сколько необходимо и полезно и самое развитіе для нихъ. Нѣтъ худа безъ добра. Всякій пойметъ, какъ много облегчится трудъ ученаго, когда, разрабатывая и возсоздавая по памятникамъ отжившую старину, онъ эту самую старину находитъ еще вживѣ у соплеменниковъ, гдѣ ее можно видѣть, слышать, ощущать и изучать наглядно. Какую достовѣрность получаютъ его изслѣдованія, когда передъ глазами у него—живое изображеніе того явленія, которое онъ старается опредѣлить у себя дома по своимъ памятникамъ, притомъ — изображеніе, уцѣлѣвшее на родственной почвѣ и нѣкогда, быть можетъ, общеплеменное, или близкое къ общеплеменному, для такого явленія, которое само было нѣкогда общеплеменнымъ. Вотъ выгоды сравнительнаго изученія родственниковъ племенъ: сущность ихъ состоитъ въ облегченіи выводовъ и правильномъ пониманіи историческихъ явленій.

Славянскія племена, разсѣвшіяся по всему Востоку Европы, испытавшія много перемѣнъ въ судьбахъ своихъ, стоятъ въ наше время на различныхъ степеняхъ гражданственности и просвѣщенія. Сѣверозападныя племена, включая сюда и вымершія Прибалтійскія, изстари отличались большею развитостію; юговосточныя, напротивъ, представляютъ у себя менѣе движенія и до сихъ поръ крѣпче держатся старины. Сербское племя заключено, большею частію, въ горахъ. Горы разъединяютъ человѣчество, препятствуютъ движенію, поддерживаютъ въ народѣ прежніе обычаи и преданія. Все Сербское племя, считая тутъ восточныхъ или Православныхъ Сербовъ, Бошняковъ, Герцеговинцевъ, Черногорцевъ, Далматинцевъ, Хорва-

товъ и Хорутанъ, населяетъ преимущественно гористыя страны между Балканами, Адриатическимъ моремъ и правымъ берегомъ Дуная и Дравы. Незавидна его государственная доля. Издавна надъ нимъ тяготѣетъ иго Турецкое и Австрійское: одна только часть Сербовъ успѣла коекакъ устроить свое самостоятельное существованіе подъ верховною властію Порты; да Черногорія пятое столѣтіе борется за свою независимость. Остальные Сербы, какъ и Хорваты и Хорутане, подчинены чужеродной, враждебной имъ власти. Турецкая власть вообще благопріятнѣе для внутренней самостоятельности покоренныхъ народовъ, чѣмъ Австрійская, хотя и та и другая вовсе не заботятся о нравственномъ ихъ развитіи. Благодаря горамъ, своей замкнутости, благодаря такому иноземному владычеству, заграждающему ходъ просвѣщенія, Сербское, какъ и Болгарское, племя въ своей внутренней жизни, мало подвинулось впередъ и представляетъ въ своемъ быту много любопытныхъ явленій, прожитыхъ другими соплеменниками и сдѣлавшимися тамъ уже достояніемъ прошедшаго.

Всѣхъ чище сберегли свои семейные и общежительные уставы Сербы, стоящіе внѣ Австрійскаго владычества. Патріархальность семейныхъ отношеній, общность владѣнія родовой собственностію, семейное и родовое представительство, кровная месть, родовыя названія селъ и общинъ, дробленіе на роды, самостоятельность отдѣльныхъ родовъ, сильное присутствіе общиннаго начала, народныя собранія, слабое значеніе личности, простота народнаго взгляда на правительственную власть, все это и многое другое показываетъ, какъ крѣпко Сербы сжились съ своимъ первичнымъ бытомъ, какъ туго постуцались имъ въ пользу новыхъ гражданскихъ отношеній.

Бытъ Сербовъ имѣетъ много общаго съ бытомъ нашего простонародія. Обыкновенно въ простомъ народѣ надобно искать живой старины, которую уже пережило и забыло образованное общество. Простой народъ—это та широкая, густая середа, которую еще не успѣло разрѣшить личное начало, возникающее на извѣстной степени духовнаго самосознанія: потому въ ея силошную толщу слабо проникають лучи просвѣщенія и медленно возбуждаютъ жизненное движеніе. Таково ея всегдашнее свойство, которое нельзя назвать ни достоинствомъ, ни недостаткомъ. Сдѣсь между стародавними бытовыми чертами, въ загрубѣлыхъ обычаяхъ, въ неподвижномъ міросозерцаніи, во всей этой однообразной и своеобразной жизни, совершающейся подъ опредѣленіемъ вѣковой замкнутости и исключительности, хранится много неоцѣненныхъ сокровищъ, которыми наше

образованное общество малодушно жертвуетъ въ пользу безличной, неопредѣленной общечеловѣчности. Все случайное, закоснѣлое и искаженное, подъ чѣмъ гложла самодѣятельность духа, должно со временемъ спасти гнилою корою съ нравственнаго существа народнаго; но живое начало, хранящееся въ простомъ народѣ и торжественно, ясно и сознательно выразившееся въ истинныхъ передовыхъ людяхъ, въ настоящихъ народныхъ представителяхъ, принадлежащихъ къ образованному обществу, должно навсегда остаться съ народомъ, чтобы постепенно перейти въ его духовно-сознательную жизнь. Не легко въ застывшихъ формахъ исключительнаго быта уловить и изучить это живое начало; не многіе изслѣдователи рѣшаются приподнять непривлекательную кору простонародной жизни, боясь замарать свои руки, и лучше идутъ въ чужія земли за готовыми штосами, которые усиливаются навязать своему народу; но начало это тѣмъ не менѣе существуетъ и должно подлежать изученію тѣхъ, которые занимаютъ современною общественною жизнью своего народа. Не одно минувшее съ отошедшими въ вѣчность поколѣніями, жизнь которыхъ подлежитъ разумѣнію историка, но и настоящее съ своимъ живымъ простонародіемъ, дополняя одно другое, служатъ руководителями для общественныхъ дѣятелей, задача которыхъ состоитъ въ примиреніи народной жизни съ общечеловѣческимъ началомъ, въ совмѣщеніи свободнаго, всемірнаго и самодѣятельнаго духа съ отличительнымъ обликомъ народнымъ. Крайнимъ итогомъ этой задачи есть удобнѣйшее, полнѣйшее и совершеннѣйшее оправданіе той мысли, къ осуществленію которой народъ призванъ своею историческою жизнью.

Оставляя до другаго раза изслѣдованіе внутренняго быта Сербовъ въ настоящее время, я изложу главнѣйшіе способы представленія земельной собственности, бывшіе въ древней независимой Сербіи. Съ земельною собственностію, служившею у всѣхъ Славянъ главною основою государственныхъ и гражданскихъ отношеній, неразрывно связаны сословное дѣленіе и сословныя права: потому земельныя отношенія бросятъ лучъ и на отношенія сословныя.

Не смотря на разьединеніе и распаденіе древней Сербіи, внутренняя исторія должна разсматривать ее во всей совокупности ея областей; ибо народъ, населившій этѣ области, былъ одинъ и тотъ же, самостоятельный и независимый. Ни Греція, ни Угорія не оказывали разрушительнаго вліянія на его самобытность. Только въ извѣстное время и извѣстною своею частію онъ находился подъ ихъ

верховнымъ владычествомъ, но эта зависимость нисколько ни касалась его народности. По этой самой причинѣ Угрія не оказала на него никакого вліянія; а если что и занялъ онъ добровольно у Греціи и у приморскихъ городовъ Далмаціи, гдѣ еще сохранялись слѣды Римскаго образованія, замѣненнаго въ послѣдствіи Итальянскимъ, то это заимствование можно замѣтить съ перваго взгляда. Итальянская народность не дѣйствовала на Сербскихъ Славянъ далѣе приморскихъ Далматскихъ общинъ; и сдѣсь, вмѣстѣ съ Славянскимъ началомъ, она образовала особый туземный бытъ, который не входитъ въ составъ этого изслѣдованія. Такимъ образомъ Сербія, не смотря на разрозненность и различную государственную судьбу своихъ областей, должна быть разсматриваема какъ нѣчто цѣлое, относительно своего внутренняго быта; ибо одинъ и тотъ же народъ, не подвергшійся насильственному порабощенію, не могъ нарушить единства въ основныхъ свойствахъ своей природы. ¹

Главнѣйшимъ источникомъ при изслѣдованіи будутъ служить намъ Законникъ Душановъ и Грамоты.

Земля, на которой сидѣли Сербы, считалась вообще собственностию верховныхъ властителей. Они могли располагать ею по своему произволу. Такъ, на примѣръ, они продавали ее Дубровнику, и продажныя деньги называли своимъ королевскимъ доходомъ: доходкъ королевства ми, или доходкъ господски. Земля

¹ Этому не можетъ противорѣчить свидѣтельство Кинама, который, говоря о Боснѣ, выразился такъ: *ἔστι δὲ ἡ Βόσνα οὐ τῷ Σερβίων ἀρχιζουπάνῳ καὶ αὐτῇ ἐκκοῦβα, ἀλλ' ἔθνος ἰδίᾳ πρὸς ταύτην καὶ ζωὴν καὶ ἀρχόμενον* (Hist., I. III, p. 104). *Bossena autem haud subest Archizupani imperio, sed gens est, quae et suos mores et suum agnoscit imperium* (Stritter II, 426). Во первыхъ, Византійцы не могутъ похвалиться знаніемъ домашняго быта Славянъ; во вторыхъ, слова Кинама не должно понимать буквально, ибо онъ такое выраженіе употребляетъ для означенія политической независимости народа: въ немъ заключается только общая мысль народной самостоятельности въ противоположность его зависимости. Для сравненія приведу еще одно мѣсто изъ Багрянороднаго: *ἀλλὰ καὶ τὰ ἐκείῃς ἔθνη, οἷτε Χρῶβίοι καὶ Σέρβιοι καὶ Ζαχλοῦμοι καὶ Τερβιουνιώται καὶ Καναλιῖται καὶ Διοκλητιανοὶ καὶ οἱ Παυανοὶ γεγόνασιν ἰδιοῦρῶμοι καὶ αὐτοκέφαλοι, τινὲς μὴ ὑποκείμενοι*. (De adm. imper., c. 29, p. 128). *Liberi suisque, non alienis, legibus usi sunt*. (Stritter II, 407, 413). Словомъ, выраженіе *ζωὴν* (suos mores) должно понимать точно такъ же, какъ и выраженіе *ἀρχόμενον* (suum imperium), хотя извѣстно, что въ это время Босна признавала верховную власть Угріи.

продавались со всёмъ, что на ней находилось живаго и мертваго. Деньги обыкновенно получались не вдругъ, но ежегодно вносилось известное количество, которое называлось королевскимъ доходомъ или могорычами. Когда Травунія и Хлумъ принадлежали къ Сербіи, плату за земли, отшедшія отъ нихъ къ Дубровнику, получали сами Сербскіе короли; когда же Хлумъ, а потомъ Травунія перешли къ Боснѣ, тогда и доходъ вмѣстѣ съ ними перешелъ къ Босенскимъ королямъ. Но въ то же время въ Травуніи и Хлумѣ являются властелины, которые произвольно дарятъ и продаютъ Дубровнику свои земли: Санковичи, Радиновичи, Храничи. Короли уже послѣ утверждаютъ ихъ записи. Такое произвольное отчужденіе своихъ земель указываетъ на обширность правъ, которыми пользовались эти властелины. Надобно думать, что они стояли выше другихъ властелей или бояръ, считаясь какъ бы собственниками этихъ областей и имѣя подъ рукою многихъ туземныхъ бояръ. Свободный переходъ отъ Сербіи къ Боснѣ подтверждаетъ это мнѣніе. Если Санковичи подарили Дубровнику цѣлыя двѣ жупы, Конавле и Виталину; если въ послѣдствіи Радиновичи и Храничи продали Дубровничанамъ тѣ же жупы и взяли себѣ деньги за нихъ, то ясно, что они смотрѣли на свои владѣнія, какъ на свою собственность, и не считали себя вполнѣ подданными Босенскихъ королей, а только ихъ сподручниками, стоявшими подъ ихъ верховною властію. Иначе они не могли бы такъ свободно распоряжаться королевскою собственностію. Сдѣсь, какъ и всюду, обнаруживается обще-Славянская коренная черта—осѣдность, на основаніи которой главнѣйшія государственныя представленія у Славянъ первоначально опирались на дѣйствительное поземельное владѣніе, а не на отвлеченныя понятія о власти или родовомъ старшинствѣ. Но отъ этого, весьма замѣчательнаго, права владѣнія областною собственностію должно отличать обыкновенное и общее право на обладаніе земельною собственностію. Для сего мы должны рассмотретьъ, какъ подраздѣлялись земли въ Сербіи. Нельзя не замѣтить, что собственно государственной земли еще не было въ Сербіи, ибо не было и собственно государственныхъ доходовъ. Мысль о государственной собственности еще не развилась въ Сербіи: вся земля и всё доходы считались собственностію главы государства, назывались землею и казною королевскою или царскою. Владѣльцы произвольно отчуждали свои земли, не считая ихъ народною собственностію, и даже прощали плату за нихъ; они дарили отъ себя земли и города монастырямъ и боярамъ;

десноты промѣнивали цѣлые города Сербскіе на Угорскіе, т. е., на-родную собственность на свою частную. Равнымъ образомъ, и дохо-ды съ земель владѣльцы брали себѣ и изъ своей казны платили, на пр., за обиды, нанесенныя иноземцамъ ихъ подданными. Сло-вомъ, въ то время собственность государственная и собственность королевская или царская означали одно и то же. Впрочемъ, зародышъ мысли о государственной собственности начинаетъ прояв-ляться со времени Душана. Мы видимъ, что Душанъ, сынъ его Урошъ, деснотъ Стефанъ Лазаревичъ и короли Босенскіе даютъ иногда записи на землю не иначе, какъ съ согласія своихъ родичей, духовенства и бояръ. ¹ Сандакъ и Радославъ Павловичъ получаютъ за свою службу баштины не иначе, какъ съ утвержденія всего ко-ролевства и «русага» Босенскаго: градове, пишутъ они, и жупе и земле које примисмо ѿ краљевства Босньскога намъ дано и запи-сано ѿ наше племенито въ русази и дрѣжави босньскои и краљев-ствомъ и всѣмъ русагомъ босньсцямъ намъ потврѣено и установи-ѣено..... ² Но мысль эта еще не была признана юридически, еще не получила опредѣленнаго и законнаго выраженія; а что она су-ществовала, лучшимъ тому доказательствомъ служить еще и то, что въ Сербіи царь и родичи его, равно какъ въ Босніи короли, имѣли свою частную собственность, свои удѣлы, отличные отъ прочихъ земель. Въ Законникѣ Душана находимъ ясныя указанія на соб-ственность царскую, хотя въ то же время и вся вообще Сербская земля называется царскою. Таково слѣдующее постановленіе: **И да нѣсть волянъ господинъ царь, или краљь, или госпожда царица, ни-кому оузети башине по силъ, ни коупити, ни замѣнити (ст. 42).** ³ Очевидно, здѣсь предполагается возможность увеличенія частной соб-ственности царя и его родичей черезъ насиліе, покупку, промѣнъ и пр. Таковы всѣ прочія статьи, гдѣ частная собственность царская противопоставляется частной собственности другихъ лицъ: **Аще ли се ѿбръщеть едно село оу ѿноззи жоупиъ, оу кога годѣ властелина, или есть царствами, или есть црковно село, или властелинища, ѿномоу-**

¹ Аврамовича, Описаніе древностей Сербскія у Светой Гори. У Београду, 1847. NN. 12, 18.—Сербскія Споменицы. У Београду, 1840. NN. 49, 84, 99, 103, 150.

² Споменицы, NN. 96, 98, 107. Русагъ—область, предѣлъ, край.

³ Я всюду пользуюсь послѣднимъ изданіемъ Шафарика. Не могу также при этомъ не указать на статью Палацкаго. *Srownání zákonů cara Stefana Dušana srbského s neustaržutí řádu zemskutí w Čechách*, помѣщенную, въ переводѣ, въ Чте-ніяхъ И. О. И. в Д. Р. 1845—1846 г., N. 2.